

Шарова Ирина Николаевна

ЭВОЛЮЦИОННО-СЕМИОТИЧЕСКИЕ РЯДЫ В ЯЗЫКЕ И КУЛЬТУРЕ (НА РУБЕЖЕ XIX-XX ВВ.)

В статье предпринята попытка рассмотреть эволюционные процессы в языке и культуре XIX-XX вв. Изучая понятие эволюция, мы прослеживаем логическую цепочку: термин "эволюция" ? эволюционные ряды ? эволюционно-семиотические ряды. Автор статьи анализирует фундаментальные труды зарубежных, советских и российских ученых, занимающихся данной тематикой, иллюстрируя теорию примерами в техническом и духовно-культурном аспектах.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/8-2/57.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 8 (38): в 2-х ч. Ч. II. С. 194-198. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/8-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

УДК 81'22-115

Филологические науки

В статье предпринята попытка рассмотреть эволюционные процессы в языке и культуре XIX-XX вв. Изучая понятие эволюция, мы прослеживаем логическую цепочку: термин «эволюция» → эволюционные ряды → эволюционно-семиотические ряды. Автор статьи анализирует фундаментальные труды зарубежных, советских и российских ученых, занимающихся данной тематикой, иллюстрируя теорию примерами в техническом и духовно-культурном аспектах.

Ключевые слова и фразы: термин «эволюция»; теория эволюции; семиотические ряды; эволюционно-семиотические ряды.

Шарова Ирина Николаевна

*Новосибирский государственный технический университет
ira_english_2011@mail.ru*

ЭВОЛЮЦИОННО-СЕМИОТИЧЕСКИЕ РЯДЫ В ЯЗЫКЕ И КУЛЬТУРЕ (НА РУБЕЖЕ XIX-XX ВВ.)©

Обращение к данной теме продиктовано тем, что наше исследование связано с рассмотрением эволюционных процессов семиотических рядов в языковом и культурном аспектах. В связи с поставленной задачей считаем необходимым проследить историю возникновения самого понятия «эволюция», то, как и где оно зародилось. Далее считаем целесообразным представить переход от термина «эволюция» к «эволюционным рядам» и далее – к «эволюционным семиотическим рядам».

Согласно французскому словарю Эмиля Литтре [16], термин «эволюция» во французском языке в более или менее современном смысле утверждается в Европе в XVII веке. Однако данный термин получил свое актуальное содержание лишь в XVIII веке в связи с открытием биологических теорий эволюции живой природы. Считается, что первоначально **термин «эволюция»** использовался в работах швейцарского ученого Шарля Бонне, ср.: *«Я принял эволюцию как принцип, наиболее согласующийся с фактами и со здоровой философией...»* [13, р. 27]. Шарль Бонне выделяет три компонента своего мировоззрения: эмпирический подход к использованию природы, религиозность и эволюцию (включающую в себя революцию).

Обратимся к рассуждениям Ю. С. Степанова относительно истории термина «эволюция». По его мнению, дарвиновская линия в учении об эволюции начинается в Англии (в философском плане) еще до Дарвина в цикле работ Герберта Спенсера, опубликованных в 1854-1857 гг. (в знаменитом труде Ч. Дарвина «Происхождение видов», вышедшем в октябре 1859 года, термин «эволюция» ни разу не использовался). В 1864 г. Г. Спенсер начинает печатать свои «Принципы биологии», где и утверждается термин «эволюция» (в позитивистском биологическом смысле) «отныне, впредь и веки веков». В этом русле термин «эволюция» примирителен и к языку [4, с. 43-45].

Таким образом, первоначально упоминание термина «эволюция» в работах европейских ученых произошло в XVII веке, согласно словарю Эмиля Литтре. Мы пришли к выводу о том, что сам термин появился еще за два столетия до его употребления Г. Спенсером, а позднее прослеживается и дарвиновское понимание этого слова.

Изучая термин «эволюция», нельзя не упомянуть Эдварда Тайлора, который считается основателем эволюционной теории развития культуры. Он впервые вводит **понятие «ряд»** в XIX веке. По его утверждению, боевой топор какой-либо эпохи является «результатом» топора предшествующей эпохи и «основой» топора последующей эпохи, а не результатом, скажем, развития ложки, которая относится к другому эволюционному ряду, а значит, и к другому виду. В примере Э. Тайлора речь идет о материальных вещах. В данном случае топор как вещь предполагает топор как концепт, концепт топора, причем сам автор говорит о «модели» [6, с. 18-33].

Мы знаем, что в культуре нет ни чисто материальных, ни чисто духовных явлений, те и другие идут парами. По утверждению Ю. С. Степанова, Э. Тайлор в меньшей степени обращал внимание на взаимоотношения эволюционных рядов. Позднейшие критики нашли, что в этой методике самым неудачным было признание эволюционных рядов независимыми друг от друга. В современном семиотическом подходе к культуре восполняется именно этот недостаток концепции Э. Тайлора. Ряды образуют семантические, точнее – семиотические цепи, а между соответствующими синхронными звеньями различных эволюционных рядов, в свою очередь, устанавливаются отношения сходства, образующие «парадигмы», или стили, эпохи [5, с. 80].

Последователем Э. Тайлора был археолог и коллекционер О. Питт-Риверс. Он создал целую археологическую и этнографическую коллекцию артефактов, систематизированную по эволюционным рядам. Коллекционное собрание О. Питта-Риверса включает предметы из всех уголков мира; особенно замечательно представлены оружие и каменные инструменты, созданные и использовавшиеся человечеством (в настоящее время коллекция находится в Оксфордском университете). В первую очередь, О. Питта-Риверса интересовало стремление продемонстрировать эволюцию прикладного искусства от простого к сложному, ср.: *«Коллекция не содержит какого-то значительного числа уникальных образцов, но она... собиралась исключительно ввиду научная. Для этой цели отбирались и выстраивались в определенную последовательность обычные и типичные*

образцы, а не уникальные объекты, для того чтобы проследить, насколько это практически возможно, последовательность представлений, посредством которых люди, находившиеся в первобытной культурной ситуации, прогрессировали от простого к сложному и от однородного к разнородному» [18, р. 1-19].

К принципу «эволюционного ряда» успешно прибегает в своих работах исследователь поведения высших животных К. Лоренц – выдающийся австрийский учёный, один из основоположников этологии (науки о поведении животных). Проанализировав равновесие между вооружением и моралью, т.е. вооруженным человеком и его моральными качествами, К. Лоренц пришел к следующим выводам: «...у сильно вооружённых видов эволюционный отбор выработал также сильную врождённую мораль – инстинктивный запрет применять все вооружение во внутривидовых стычках, в особенности, если побеждённый демонстрирует покорность. И наоборот, слабо вооружённые виды имеют слабую врождённую мораль, поскольку сильная врождённая мораль таким видам эволюционно ни к чему» [1, гл. 13, с. 97-98].

Рассмотрев эволюцию в работах европейских авторов, обратимся к исследованиям отечественных ученых, которые внесли значительный вклад в развитие этого термина.

В русском языке слово **эволюция** известно с середины XVIII века, но в форме эволюции и в значении передвижения войсковых частей и военных судов⁴. (Ср. в «Записках» Прошина, в записи от 6-VI-1765 г. (323): «флот для делания еволюции» [9, с. 438]).

Аналогично рядам вещей и духовных концептов, которые приводил Э. Тайлор, академик Н. Я. Марр в СССР изучал параллельные ряды вещей и их наименований, т.е. слов естественного языка. Ему удалось выявить некоторую специфическую закономерность, которую мы, вслед за Ю. С. Степановым, можем назвать именно семиотической, но которую сам Н. Я. Марр назвал «функциональной семантикой».

Суть этой закономерности состоит в том, что значения слов-имен изменяются в зависимости от перехода имени с одного предмета (или действия) на другой предмет, заменивший первый предмет в той же самой или сходной функции. Н. Я. Марр установил, например, что на хлеб перешло название желудя, так как желудь в качестве продукта питания был заменен хлебом, а с появлением в хозяйстве нового животного на него переходило название того животного, чью функцию приняло новое: так, на лошадь (в разных языках) перешло название оленя. Наблюдения Н. Я. Марра в последнем примере подтверждаются археологическими данными, а также ритуалами. Так, в Пазырыкском кургане на Восточном Алтае в 1929 году были найдены останки ритуального захоронения лошадей в масках оленей [15]. Это явление объясняется тем, что у данного народа лошади, по-видимому, сменили в какой-то период оленей в различных хозяйственных функциях, и в некоторых ритуалах требовалось «освящать» лошадей, обозначая их связь с оленем.

Новый предмет (изображение, вещь, вещество, социальное явление, например погребальная процессия) занимает в быту и в общественном сознании место какого-то прежнего предмета, принимающего его функцию. Следовательно, форма – значима, форма санкционирует предмет, поэтому такие процессы и создаваемые ими ряды явлений называются семиотическими. Процесс замещения есть одновременно процесс преемственности и эволюции.

Иная концепция представлена у О. М. Фрейденберг в работе «Система литературного сюжета» [2]. Исследователь, соглашаясь с Н. Я. Марром в практических результатах его лингвистического анализа, видит не «переход значений по функции», а принципиальный, общий закон для всей системы семантизации. Автор пишет: «Этот закон показывает, что каждое значение имеет иную, особую форму существования, совершенно непохожую на данную, и что эти различные состояния переходят друг в друга. Они живут в скрытом виде или появляются, теряя свой смысл» [Там же, с. 216-237]. Свою мысль О. М. Фрейденберг пояснила примером со словом *раб*. Раб появился до появления социального института рабства. Это значит, что понятие «раб» существовало до того, как появились рабы. Как же они появились? В образе раба: явление, когда его нет, живет в другой форме или значении, т.е. скрытое появляется, явное принимает форму скрытого. Это большой закон семантизации.

Суммируя два названных подхода в изучении семиотических рядов, Ю. С. Степанов пишет: «В действительности же концепция Марра относится к предметной области —производство», в то время как концепция Фрейденберг – к предметной области —производственные явления». И в этих различных областях обе концепции верны одновременно» [5, с. 85-87].

Принцип эволюционного ряда – главный принцип упорядочения материала. Но этот принцип существенно дополняется: в отношении между членами каждого отдельного ряда зачастую вскрываются связи иного рода – когда нечто от предыдущего звена становится знаком в звене последующем. Поскольку понятие «знак» принадлежит к более широкой сфере знаковых систем – семиотике, то мы называем теперь весь такой ряд эволюционным семиотическим рядом (термин введен Ю. С. Степановым). **Термин «семиотический»** входит в это понятие еще и по другой причине: основное отношение между замещаемым и замещающим явлениями в эволюционном ряду очень часто оформляется знаком в прямом смысле, т.е. словом языка – название замещенного предмета или действия переходит на замещающее его.

Эволюционно-семиотические ряды. В такие ряды объединяются и «вещи» (один ряд – топоры; отдельно – прялки; третий ряд – оружие; четвертый – средства передвижения: кареты, автомобили), и «концепты» (разное по времени понятие «вера»; отдельно – представление о «грехе», о «страхе» и т.д.). В наиболее типичном и общем случае ряды «вещей» сочетаются с соответствующими им представлениями, «концептами», вступая в отношения знаковости. В качестве примера рассмотрим историю автомобиля. Первые автомобили (в конце XIX – начале XX в.) разделялись, подобно каретам, на «городские (лимузины)» и «дорожные». Такие отличия диктовались не только потребностями техники (конец XVII – начало XIX – время

промышленно-технической революции, которая стала толчком в развитии всех сфер жизни человека и общества в целом). Первые технические данные автомобиля требовали как можно скорее избавиться от старых форм. Причина здесь не только техническая, но и иная: автомобиль занял место кареты. И, заменив в общественном быту карету, автомобиль должен был – неизбежно и вопреки всем техническим требованиям – по крайней мере, на первое время принять и ее облик. Перед нами пример замещения: **какета** → **автомобиль**.

Из вышесказанного можно, согласно «функциональной семантике» Н. Я. Марра, сделать следующий вывод: предмет, принявший в хозяйстве функции исчезнувшего, некоторое время сохраняет то или иное сходство с ним, даже когда в этом нет технической необходимости, поэтому первые автомобили сохраняли оформление карет и были, как и кареты, «городскими» и «дорожными».

Продолжая рассматривать примеры технической эволюции, обратимся к произведению американского романиста Артура Хейли, описавшего аэропорты в одноименной книге. В 60-х годах прошлого века А. Хейли писал, что первые аэропорты строились как железнодорожные вокзалы, поскольку именно они их и заменили [8, с. 62]. В технически более сложном случае прежний предмет мог трансформироваться в процессе технической эволюции. Здесь мы наблюдаем переход **от железнодорожного вокзала** → **к старым аэропортам** → **к аэропортам нового поколения**.

Ю. С. Степанов рассматривает «знаки-звенья» внутри эволюционного ряда с точки зрения знаковой составляющей и называет такой ряд **эволюционным семиотическим рядом**. Он предлагает рассматривать ряды в виде так называемой терминальной цепочки:

T1   T2 ...   Tn

T1 – предмет, идея или концепт, инициирующий ряд,

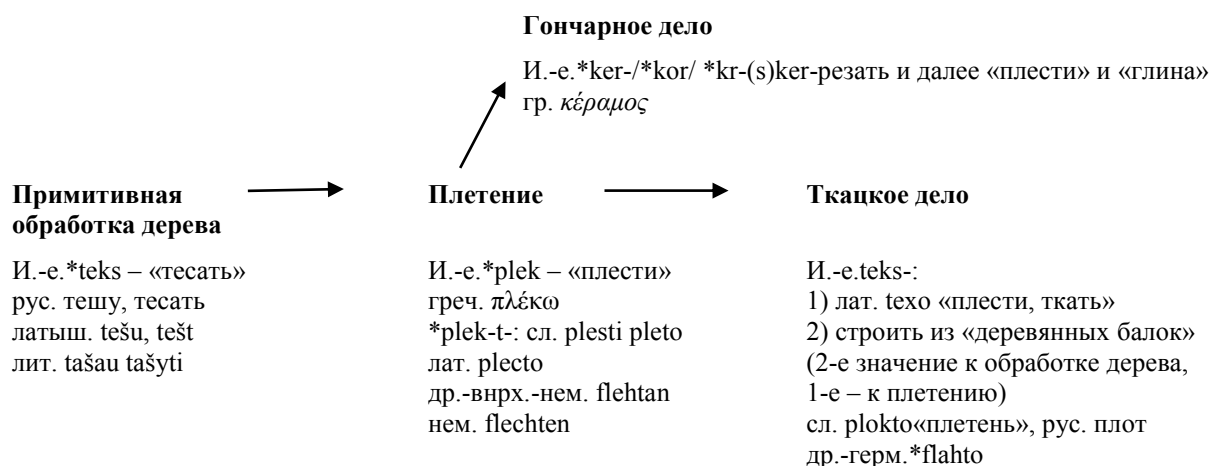
T2 – предмет, идея или концепт, замещающий исходный терминал.

Можно предположить, что в ходе эволюции терминал Tn уйдет из поля T1 и уже не будет копировать его свойства или функции. Однако в лингвистическом плане может оказаться, что последующие стадии развития сохраняют, аккумулируют семиотические принципы значений терминалов [4, с. 25-26].

Продолжая приводить примеры эволюционных рядов в языке, обратимся к процессам прядения и ткачества, которые ярко представлены в ремесленной терминологии. По словам Чарльза Ливингстона, «ремесла, и особенно прядение и ткачество, явились источником многих переносных и образных выражений во многих языках. Орудия, которые они применяют, по причине своей формы, функций и движений, сделали заметный и важный вклад в общий словарь» [17, р. 109]. Данная терминология вносит свой значительный вклад в единый эволюционный ряд.

В качестве наглядного примера рассмотрим терминальную цепочку, представленную в работе С. Г. Проскурина «Семиотика индоевропейской культуры» [3]. Древнейшие ремесла сами переживали несколько стадий: «в обработке дерева мы наблюдаем древнейшую стадию, заключающуюся просто в рубке деревьев, их обтесывании и скреплении (вязке), как, например, для изготовления плотов или примитивных жилищ. Более поздняя стадия – плотницкое дело, изготовление жилищ, мебели, деревянных идолов, храмов и т.д. Наконец, новейший этап у восточных славян (вплоть до начала XX в.) состоял в валке леса и перегонке плотов, смолокурном промысле, изготовлении некрашеной мебели, деревянной посуды, сундуков и т.д.» [Там же, с. 52-53].

Данную схему, представленную С. Г. Проскуриным, можно проиллюстрировать словами О. Н. Трубочева о том, что эволюционные ряды плетения минимально представлены в текстильной лексике. Эта связь текстильного производства с плетением очевидна и максимальна, выражена в этимологизирующей гончарной лексике, названиях глиняной посуды, где соответствующая связь гончарного производства и плетения не только очевидна, но и доступна глубокому историческому исследованию [7, с. 391].

Отсюда видно, что существует связь между ткацким делом и плетением, плетением и примитивной обработкой дерева. Здесь представлена генетическая связь между ремеслами от индоевропейской до праславянской

эпохи и более поздней общеславянской эпохи по линии глагольных корней, благодаря чему и прослеживается единый широкий эволюционный семиотический ряд.

Ткацкое дело возведено к более древнему ремеслу – плетению, которое, в свою очередь, восходит к еще более древнему ремеслу – примитивной обработке дерева. В результате наблюдается преемственность терминалов ремесел во временной перспективе. С языковой точки зрения происходит передача корней от эпохи к эпохе:

T1 → T2 → → T3

и.-е.*teks – «тесать» → и.-е.*plek – «плести» → лат. texo «плести, ткать»; строить из «деревянных балок».

Несмотря на то, что ткацкое дело технологически связывается с плетением, лингвистически оно обозначается терминалами, имеющими корни с эволюционно более ранним значением примитивной обработки дерева: **и.-е.*teks – «тесать» → лат. texo «плести, ткать».**

Эти значения, естественно, объясняются как результат эволюции техники в пределах одного и того же эволюционного ряда.

Иное проявление эволюционного ряда можно продемонстрировать на примере самого процесса прядения. О. Н. Трубачев считает, что смысл прядения состоит в крутке нити, образуемой из соединения отдельных волокон пряжи. Простейшим и бесспорно первоначальным способом было вытягивание и сучение, ссучивание нити вручную, без посторонних приспособлений. Но ускоряющее приспособление не замедлило появиться; им оказалось «ручное веретено» (Handspindel), собственно говоря, простая прямая палка, которой катали правой рукой на бедре, наматывая тем самым на неё образующуюся нить. Этот вид техники с выразительными чертами переходности хорошо известен до сих пор (из быта отсталых народов и исторических свидетельств многих культурных народов Европы). «Можно... обозначить как переход от ссучивания (Drillen) к прядению тот случай, когда, например, индейцы-екуана в Венесуэле катают на бедре очень длинное веретено, которое верхней своей частью лежит на бедре, а нижней – на полу» [12, S. 32-33]. О традиционном народном прядении в Эстонии сообщаются аналогичные сведения: «Стержень веретена вращали правой рукой на правом бедре, а затем отпускали, чтобы оно свободно висело и вращалось» [14, p. 50].

В своем очерке об истории текстильной техники Е. А. Цейтлин пишет: «Изобретение веретена представляло собой, с точки зрения развития принципов механической технологии, огромное достижение первобытнообщинного строя. Наряду со сверлильными инструментами, колесом, воротом и ручным жерновом, оно явилось одним из важнейших объектов применения...» [10, с. 16-17].

Следовательно, из вышесказанного можно сделать вывод о том, что принципиальная эволюция прядения протекала по следующей линии:

ссучение → «ручное веретено» → «висячее веретено».

Резюмируя вышесказанное, можно отметить, что согласно цели нашего исследования мы выяснили этимологическое значение термина «эволюция», понятие «ряда», продемонстрировали принцип эволюционного ряда и перешли к эволюционно-семиотическим рядам. Даже наше исследование можно представить в виде терминальной цепочки:

эволюция → ряд → эволюционный ряд → эволюционно-семиотический ряд.

Обратившись к работам ряда ученых, которые прямо или косвенно использовали термин «эволюция», можно сделать вывод о том, что эволюционные процессы живой природы интегрировали в культурно-семиотические ряды посредством языка. Его можно проследить в таких науках, как этнография, археология, антропология, машиностроение, техника, а также в лингвистике – в рядах духовных концептов и ремесленной терминологии.

Список литературы

1. Лоренц К. Агрессия (так называемое «зло») *Esse homo*. М.: Прогресс; Универс, 1994. 272 с.
2. Монтаж. Литература, искусство, театр, кино. М.: Наука, 1989. 240 с.
3. Проскурин С. Г. Семиотика индоевропейской культуры. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005. 234 с.
4. Степанов Ю. С. Протей: очерки хаотической эволюции. М.: Языки славянской культуры, 2004. 264 с.
5. Степанов Ю. С. Язык и метод: к современной философии языка. М.: Языки русской культуры, 1998. 784 с.
6. Тайлор Э. Б. Первобытная культура. М.: Политиздат, 1989. 573 с.
7. Трубачев О. Н. Ремесленная терминология в славянских языках: этимология и опыт групповой реконструкции. М.: Наука, 1966. 416 с.
8. Хейли А. Аэропорт: роман. Тула: Приток. кн. изд-во, 1992. 448 с.
9. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2-х т. Изд-е 3-е, стереотип. М.: Рус. яз., 1999. Т. 2. Панцирь – Ящур. 560 с.
10. Цейтлин Е. А. Очерки истории текстильной техники. М. – Л., 1940. 463 с.
11. Этимологический словарь славянских языков: праслав. лекс. фонд. / под ред. О. Н. Трубачева. М.: Наука, 1974. Вып. 1. 214 с.
12. Baume W. Die Entwicklung des Textilhandwerks in Alteuropa. Bonn, 1955.
13. Bonnet Ch. Consid rationssur les corps organizes. Genève, 1762.
14. Leinbock T. Die materielle Kultur der Esten. Tartu, 1932.
15. Lexicon früher Kulturen. Köln: Pahl-Rugenstein Verlag, 1984. Bde 1 und 2.
16. Littré É. ("Le Littré"). Dictionnaire de la langue française. 1863. 5263 p.
17. Livingston Ch. Skein-Winding Reels. Studies in Word History and Etymology. Ann Arbor: University of Michigan Publications, 2012. Vol. XXIX.
18. Rivers A. Principles of Classification // The Evolution of Culture. Oxford, 1906. P. 1-19.

EVOLUTIONAL AND SEMIOTIC LINES IN THE LANGUAGE AND CULTURE
(AT THE TURN OF THE XIX–XX CENTURIES)

Sharova Irina Nikolaevna
Novosibirsk State Technical University
ira_english_2011@mail.ru

The article tries to investigate the evolutionary processes in the language and culture of the XIX–XX centuries. Investigating the conception of evolution the paper examines the logical chain: the term “evolution” → evolutionary lines → evolutionary and semiotic lines. The author analyzes the fundamental works of the foreign, Soviet and Russian scientists involved in this circle of problems substantiating the theory by the examples in the technical and spiritual and cultural aspects.

Key words and phrase: the term “evolution”; theory of evolution; semiotic lines; evolutionary and semiotic lines.

УДК 8; 82:311.1

Филологические науки

В статье рассматриваются особенности развития негативных эмоций Настасьи Филипповны Барашковой и Сони Мармеладовой, определяется базовая лексика системы «негативная эмоция» с учетом авторских идей. Базовая лексика системы – глагольные синонимические ряды (страдать, мучиться, терзать, тосковать) и производные от них существительные и прилагательные (страдание, страдалец, страдальческий; мука, мученик; тоска, тоскливый). Цель исследования – показать взаимодействие в языке художественного текста лингвистики и литературоведения.

Ключевые слова и фразы: негативная эмоция; состояние; страдание; базовая лексика; слова-метафоры; пресечение эмоции.

Шахназарян Наринэ Ониковна

Саратовский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
narinka-87o@mail.ru

**СПЕЦИФИКА РАЗВИТИЯ НЕГАТИВНЫХ ЭМОЦИЙ СОНИ МАРМЕЛАДОВОЙ
И НАСТАСЬИ ФИЛИППОВНЫ БАРАШКОВОЙ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНОВ
Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ», «ИДИОТ»)©**

Центральные герои романов Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» и «Идиот» – мужчины являются настолько яркими носителями авторских идей, что женские образы зачастую несправедливо оказываются на периферии поля зрения исследователей творчества Достоевского. Цели настоящей публикации:

- определить базовую лексику системы «негативная эмоция» на материале женских образов романов Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание», «Идиот»;
- показать негативные эмоции героинь в развитии: от момента возникновения до способов пресечения эмоции;
- рассмотреть, каким образом слова, выражающие негативные эмоции, раскрывают авторские идеи Ф. М. Достоевского об истине, добре и красоте.

Отличительная черта исследования – анализ лексических единиц в контекстном окружении.

Для удобства читательского восприятия текст статьи делится на два блока, которые соответствуют этапам исследования негативных эмоций центральных женских образов в названных романах.

1. Специфика развития негативных эмоций Настасьи Филипповны Барашковой

Достоевский готовит встречу читателя с Настасьей Филипповной таким образом, что мы узнаём о ней только то, что говорят и видят другие герои. Князь Мышкин еще до личного знакомства три раза рассматривает её портрет: «Так это Настасья Филипповна? Удивительно хороша!» [3, с. 35]. На портрете действительно предстает необыкновенной красоты женщина. Портретная характеристика у Достоевского изображает не только наружность человека, но и раскрывает его внутренний облик [8, с. 167]. Передача душевных качеств через внешние черты воплощается в изображении глаз, мимики, жестов, в суждениях наблюдателя. В портрете Настасьи Филипповны есть черты, выводящие ее из привычного женского ряда – в ней всё преувеличено, искусственно: «красота необыкновенная», «глаза чрезвычайно глубокие» и даже «лоб – задумчивый» [3, с. 35–36]. Традиционно лоб характеризует уровень интеллекта. В данном случае мы имеем дело с метонимией, когда имеется в виду не лоб, а морщинки на лбу, обозначающие состояние постоянной задумчивости.

И если при первом взгляде на портрет князь видит только одну красоту, то при втором замечает уже **страдание**: «Лицо веселое, а она ведь ужасно **страдала**. Об этом глаза говорят, вот эти две косточки, две точки под глазами, в начале щек. Это гордое лицо, ужасно гордое» [Там же, с. 37]